

ПУТИ И МОГУЩЕСТВО ЛЮБВИ

П.А. Сорокин

Глава вторая

Пятимерный универсум психо-социальной любви

1. ПЯТЬ ИЗМЕРЕНИЙ

Любовь даже в качестве эмпирического психо-социального явления остается многомерным космосом, имеющим по крайней мере пять “измерений”: интенсивность; экстенсивность; продолжительность; чистота; адекватность объективных проявлений, выражающихся в поступках и способах действий и в ее субъективной цели.

Интенсивность любви

По своей интенсивности любовь колеблется от нуля до высшей из возможных точек, условно назовем ее бесконечностью. Нулевая точка — это и не любовь, и не ненависть, которая начинается ниже и интенсивность которой измеряется аналогичным образом. Пределы интенсивности любви известны всем. У человека, проповедующего любовь, но далекого от нее на практике, она близка к нулю; высокопарная проповедь любви, используемая для того, чтобы замаскировать эгоистичные и злобные поступки лицемеров, опускается ниже нуля, превращая тем самым эти поступки в действия, диктуемые ненавистью. Когда кто-то подает несколько центов голодному или уступает место в городском транспорте — это тоже проявления любви, хотя и незначительной интенсивности. Если же человек добровольно жертвует ради других своими самыми большими ценностями — здоровьем, жизнью, “душой”, счастьем, понимаемом в гедонистическом или прагматическом смысле, — то это любовь самой высокой степени интенсивности. Между этими точками есть масса промежуточных градаций.

В целом степень интенсивности любви — величина не скалярная: в большинстве случаев мы не можем точно определить, во сколько раз любовь данной интенсивности больше, чем другая, не можем утверждать, одинаковы ли они или одна из них сильнее, а другая слабее. Тем не менее мы нередко отчетливо по-

**ФИЛОСОФСКАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ:
СТРАНИЦЫ
КЛАССИКИ**

* Продолжение. Начало см. № 4. 2015.

нимаем, *какая интенсивность является действительно высокой, а какая низкой, и иногда можем даже измерить ее с помощью количественных показателей.* Так, например, когда кто-то уступает место в городском транспорте, это практически всеми нормальными людьми оценивается как поступок, диктуемый любовью, интенсивность которой гораздо ниже той, которая движет человеком, когда он спасает чью-то жизнь, рискуя своей собственной. Опять-таки, при прочих равных условиях, когда человек сегодня отдает кому-то 2% своего богатства, а завтра — 90%, второй его поступок по интенсивности любви во много раз превосходит первый. Если сегодня человек жертвует другим час своего времени, а завтра — неделю или месяц, то интенсивность любви второго его поступка гораздо выше, чем первого. Таким образом, *интенсивность любви — величина не скалярная.* Это, однако, не мешает наблюдать множество разнообразных поступков, с точки зрения интенсивности движущей ими любви, и даже приблизительно оценивать ее в числовых единицах. То же можно сказать относительно характера четырех других измерений любви.

Экстенсивность любви

Экстенсивная сила любви располагается от нулевой точки, когда индивид испытывает это чувство исключительно к самому себе, до любви ко всему человечеству, всем живым существам и всему миру. Между минимальным и максимальным уровнями размещается широкая градация экстенсивности: любовь к своей семье, немногочисленным друзьям, ко всем членам группы, к которой принадлежит индивид — своему клану, племени, народу, нации, религиозным, профессиональным, политическим и прочим объединениям. Максимальная степень экстенсивности — любовь ко всему миру (и к Богу). Кто-то, подобно Св. Франциску Ассизскому, любит “сестру свою — землю”, луну, ветер, реку, деревья и вообще все живое и “почтительно и любовно идет по земле”. А кто-то “ненавидит весь мир” и относится к нему как к врагу. Нулевая точка экстенсивности любви — любовь только к самому себе. *“Ордината” экстенсивности носит характер не скалярный, но это не лишает нас возможности четко различать большие и меньшие степени экстенсивности любви, а иной раз даже измерять их в скалярных единицах.*

Продолжительность любви

Продолжительность любви, опять-таки, может быть равной и мимолетному мгновению, и нескольким годам или даже всей жизни индивида или группы. Проявления любви не только низкой, но и высочайшей интенсивности могут длиться очень недолго. Так, после того, как солдат на поле битвы спасет своего товарища и сам останется жив, он может превратиться в заурядное эгоистичное существо. Вместе с тем любовь и низкой, и высокой интенсивности может длиться на протяжении всей жизни индивида или группы. Мать, заботящаяся о больном ребенке, добрый

сосед, многие годы оказывающий кому-нибудь финансовую или иную помощь, великие апостолы любви, выполняющие миссию милосердия в течение десятилетий, а то и всю жизнь, — примеры продолжительной любви.

Чистота любви

Чистота любви ранжирруется от той, которая мотивируется без примеси какого бы то ни было “нечистого” мотива типа пользы, удовольствия, выгоды или прибыли, до “корыстной [soiled]”, когда любовь оказывается средством достижений утилитарной, гедонистической или иной цели, когда она — неприметная струйка в грязном потоке эгоистичных стремлений. Слова восточных и западных святых: “каждый, кто любит Бога, не перестанет ради этой любви любить Его, даже если Он осудит его на вечные муки ада”, — наиболее яркое выражение самой чистой любви. “Я люблю Тебя, Господи, — говорится в гимне, приписываемом Святому Франциску Ксавьеру, — но вовсе не потому, что надеюсь попасть на Небо; и не потому, что те, кто не любит Тебя, должны гореть в вечном огне. Не потому, что надеюсь что-нибудь обрести; не потому, что ищу награды; но потому, что Ты Сам возлюбил меня, О, вечно любящий Господь”. А вот слова восточного святого: “Я не хочу ни богатства, ни многочисленной челяди, ни учености; нет, я не хочу даже попасть на Небеса. Позволь мне родиться снова и снова; но, Господи, сделай так, чтобы я мог любить Тебя ради самой этой любви”¹.

“Чистая любовь не знает ни сделки... ни корысти. Любовь — всегда только любовь ради любви... Не просите ничего в обмен на вашу любовь; сделайте так, чтобы вы всегда были дарителем; дарите свою любовь Богу, но взамен не просите ничего даже у Него”. “Любовь не знает ни страха... ни соперника”, — таковы другие особенности чистой любви². Иисус, апостол Павел и Аристотель говорят о том же.

Адекватность любви

Адекватность субъективной цели любви ее объективному проявлению распределяется от полного несоответствия субъективной цели любви и ее объективных последствий до их идентичности. *Несоответствие принимает две разные формы*: чувство любви в любящем человеке может быть субъективно подлинным, но объективные последствия его поступков, продиктованных этим чувством, могут даже противоречить цели любви; субъективно человек может не испытывать никакой любви и не иметь соответствующих намерений, но тем не менее объективные последствия его действий, хотя они и мотивированы чем угодно, но только не любовью, оказываются чрезвычайно полезными для других, подобно воздействиям подлинной любви. Первый вид чувства и деятельности любви альтруистичен субъективно, но не объективно. Второй вид — альтруистичен субъективно, но альтруистичен объективно.

Рассмотрим кратко форму *неадекватной любви*. Всем известны матери, которые сильно любят своих детей и хотят сделать их “достойными людьми” — честными, трудолюбивыми и добрыми. С этой целью они балуют их, потакают их капризам и не наказывают, когда нужно было бы наказать. Такой любовью они часто портят своих детей, делают их избалованными, безответственными, слабыми, ленивыми, нечестными. Эти объективные последствия материнской любви радикально отличаются от цели любви. Другой яркий пример подобного несоответствия — когда любящий человек, заботящийся о любимом и пытающийся помочь ему, по ошибке дает ему яд вместо лекарства. Такие несообразные проявления — суть формы *неадекватной, неразумной, заблуждающейся, ничего не понимающей или слепой любви*. Во всех этих случаях любовь не руководствуется истиной и знанием в выборе своих непосредственных выражений. Обделенная необходимой мудростью, слепая любовь терпит неудачу в своих объективных проявлениях и уничтожает себя; вместо того, чтобы принести любимому человеку пользу, она часто вредит ему. Здесь мы сталкиваемся с неадекватной любовью, которую Руджемонт называет темной страстью, ведущей к самоуничтожению³.

Начиная с очевидного несоответствия между целями и объективными последствиями, эта форма субъективно-любовных действий и реакций по ранжиру идет вверх, проходя через ряд все уменьшающихся несоответствий, пока не доходит до адекватной любви: здесь субъективные цели любви и ее объективные последствия становятся идентичными. *Суть адекватной любви — в ее полном единении с истиной и знанием, которые руководят всеми связанными с нею действиями и взаимоотношениями.*

В чисто “объективном действии любви” человек может не иметь никаких любовных поводов для своих поступков, и тем не менее их объективные последствия будут идентичны последствиям проявлений подлинной любви наивысшей интенсивности и чистоты. Многие великие творцы художественных ценностей — Бах и Моцарт, Бетховен и Шекспир, Рафаэль и Микеланджело — были движимы в своем творчестве любовью не столько к благу, сколько к красоте, стремлением решить поставленную художественную задачу и даже прозаическими мотивами (деньги, слава, популярность и т. п.). Точно так же многие ученые и изобретатели, делая свои открытия, были движимы любовью к науке или технологии, творческими целями или каким-то прозаическим мотивом, а не стремлением к благу. Даже многие святые стремились непосредственно не к альтруистической любви, а к единению с Богом: они становились “преисполненными любви” лишь потому, что это было необходимо для достижения их главной цели. Несмотря на отсутствие альтруистических мотивов любви в деятельности этих творцов, их свершения оказывали самое мощное любовное воздействие на миллионы и миллионы людей. Произведения Баха и Бетховена, Шекспира и Микеланджело, Платона и Ньютона благотворно влияют на многие поколения,

возвышают их дух, делают их души более чистыми, доставляют им радость и наслаждение. Объективно (хотя и не всегда субъективно) они, благодаря своим достижениям, стали великими благодетелями; не только интеллектуальными или эстетическими учителями, но и нравственными воспитателями человечества.

Несоответствие проявлений “объективной, но не субъективной” любви выстраивается по нарастающей — от крайних случаев, когда нет ни малейшего мотива любви, минуя ситуации, где любовь выступает одним из поводов, до высших образцов, в которых она становится доминирующим мотивом и находит свое адекватное выражение во внешних поступках. Как мы увидим далее, *объективно альтруистические поступки возможны, главным образом, благодаря неразрывному единству добра, истины и красоты и возможности их взаимного преобразования друг в друга*. Поскольку по своей онтологической природе они нераздельны — хотя и различны по свойственной им индивидуальности, — любой, кто проявляет себя истинным творцом в одной из этих сфер, оказывается творцом и в двух других сферах: настоящее добро всегда истинно и прекрасно; подлинная красота — истинна и добра; а нерушимая истина всегда добра и прекрасна.

Великие и рангом поменьше творцы в сфере истины и красоты могут и не быть непосредственно мотивированы добром (любовью); и все же, будучи творцами в этих областях, они не могут не оказаться творцами и в области любви по причине единства и взаимной трансформации этих “видов энергии”.

Единство величайших ценностей и альтруистических последствий поисков истины, красоты и Бога подчеркивается в индуизме. Речь идет о трех путях “освобождения”. Это карма-йога, означающая путь добрых дел и любви к ближним; джнана-йога — путь истины и просвещения и бхакти-йога — путь абсолютной преданности и любви к Богу⁴.

Таковы две основные формы неадекватности любви.

Теоретическое и практическое значение пятимерной системы любви

Пятимерная система любви легко обозрима и не слишком сложна, поэтому ее можно использовать во многих теоретических и практических аспектах.

Во-первых, она позволяет приблизительно “градуировать” всю пятимерную совокупность любви. Это не точное измерение, поскольку, как уже указывалось, ни одно из измерений не поддается строгому исчислению. И все же, без каких-либо колебаний противопоставляя “крошечную любовь” “великой любви”, мы тем самым используем приблизительный числовой индикатор в качестве стенографического значка, обозначающего очевидные различия любви по величине⁵. Если условно разделить каждую из пяти ординат на равные отрезки и обозначить числами от 0 до 100, то их можно рассматривать как индикаторы для явных различий по величине совокупной пятимерной любви.

Величайшие альтруисты — Иисус, Будда, св. Франциск Ассизский — заняли бы самое высокое из всех возможных мест, обозначаемое числом 100 во всех пяти измерениях. Те, кто никого не любит и никого не ненавидит, заняли бы положение, близкое к нулю. Прочие расположились бы где-нибудь между этими точками, чуть выше или ниже других. Таким образом, приблизительная числовая оценка может использоваться для обозначения совершенно очевидных различий любви по величине.

Во-вторых, пятимерная система позволяет сравнивать и условно выделять разные формы любви. Например, если взять только такие измерения любви, как ее *интенсивность* и *экстенсивность*, то можно сразу же выделить несколько типов.

1. Любовь множества людей очень интенсивна по отношению к той группе, к которой они сами принадлежат (своей семье, своим друзьям, своей клике, секте или фракции), но которые никого не любят из тех, кто находится за пределами этого крохотного мира. Таким образом, экстенсивность их любви очень низка.

2. Немало людей признаются в любви ко всему человечеству, стало быть, её экстенсивность чрезвычайно велика. Но такая любовь редко выходит за пределы деклараций и почти не сказывается на их поступках. Это — любовь *низкой интенсивности, сочетающаяся с широкой экстенсивностью*.

3. Некоторые люди очень сильно любят свою небольшую группу, а другие более крупные группы (соседей, свою деревню или город, свои профессиональные, политические, религиозные, национальные или государственные группы и уж в последнюю очередь все человечество) любят *со все уменьшающейся степенью интенсивности*. Это — тип любви, интенсивность которой уменьшается по мере роста ее экстенсивности.

4. Всем известны случаи любви чрезвычайно *высокой интенсивности, но очень короткой*. Примером служит солдат, который, не задумываясь, рискует на поле боя собственной жизнью, чтобы спасти своего товарища. Как много людей оказываются “героями любви” на краткий миг, и как мало тех, кто способен на такую роль в течение долгого времени!

5. Есть и те, *кто любит в течение долгого времени, но с низкой интенсивностью*. Люди, которые на протяжении многих лет вносят разумное пожертвование в общественную копилку, — примеры подобного типа. Большинство “американских добрых соседей” из моей коллекции, насчитывающей приблизительно 1000 случаев, относятся к этому типу⁶.

6. Некоторые любят сильно и в течение неопределенно долгого времени либо небольшой, либо довольно широкий круг людей.

7. Наконец, встречаются проявления любви, в которых *высокая чистота* сочетается с высокой или низкой интенсивностью, небольшой или широкой экстенсивностью, короткой или длительной продолжительностью, низкой или высокой адекватностью, и комбинации *низкой чистоты* в сочетании с ценностями других измерений. Какая из этих комбинаций встречается

в обычном человеческом сообществе чаще, пока неизвестно и может быть установлено только в ходе систематического изучения.

Таким образом, наша измерительная система позволяет классифицировать типы проявлений любви и соответствующие типы людей и установить, какие типы и комбинации встречаются в данном человеческом сообществе наиболее часто.

В-третьих, система позволит сформулировать и изучить смысловые и причинные связи между разномерными переменными. Есть ли между ними отчетливая связь? Если есть, то какая: положительная или отрицательная? Какая переменная с какой именно связана? Насколько тесно?

В настоящее время наше знание этих отношений довольно скудно. Необходимо еще немало изучить, прежде чем оно окажется достаточным, с учетом этой оговорки можно рассмотреть несколько предварительных закономерностей в данной области.

II. ЗАКОНОМЕРНОСТИ В ОБЛАСТИ ПРИЧИННО-СМЫСЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ИЗМЕРИТЕЛЬНЫМИ ПЕРЕМЕННЫМИ ЛЮБВИ

Самоочевидная закономерность

Чем больше пятимерная величина любви, тем реже она встречается в эмпирическом социокультурном мире. Великие альтруисты — Иисус, Будда, Св. Франциск Ассизский, Нил Сорский столь же редки, как и величайшие гении в сфере истины или красоты.

Менее очевидные закономерности

1. *Закономерные связи между интенсивностью и экстенсивностью. При прочих равных условиях интенсивность любви, как правило, уменьшается по мере роста ее экстенсивности, т. е. увеличения размеров космоса любви. Поскольку эмпирическая любовь человека или группы есть энергия ограниченной величины, то чем больше космос любви, тем сильнее он разряжен. Если данный резервуар любви обеспечивает только трех человек, ее интенсивность во много раз больше, чем если бы этот же резервуар обеспечивал три тысячи или три миллиона человек. Этим объясняется, почему нередко любовь, декларируемая ко всему человечеству, оказывается столь слабой по своей интенсивности и чаще всего не идет дальше простого словесного заявления. Если же мы считаем, что любовь — не энергия или что мощность ее безгранична, то сформулированная нами закономерность становится сомнительной.*

Вариантом этой закономерности является *уменьшающаяся интенсивность любви (индивидуума или группы) по мере продвижения от нескольких самых дорогих им людей ко все более и более крупным группам, которые в социокультурном отношении более отдалены от них.* Логическая причина этого — та же самая, что указывалась применительно к основной закономерности.

Фактические наблюдения, а также немногочисленные экспериментальные исследования подтверждают эти закономерности. Обратимся ли мы к собственному поведению или понаблюдаем за поведением других людей и групп, мы всегда обнаружим, что наша наиболее интенсивная любовь (во внешних ее проявлениях) имеет своим объектом лишь очень ограниченный круг лиц (членов семьи, нескольких друзей и вообще малую группу, членами которой мы сами являемся). Затем идет социально более удаленный от нас круг, который мы все еще заметно любим, но уже не так интенсивно. Чем многочисленнее группа и чем больше удалена она от нас, тем слабее интенсивность нашей любви, в конце концов она становится вовсе неосязаемой, просто речевой реакцией.

Эта закономерность вполне подтверждается рядом экспериментальных исследований, в том числе и моими собственными.

В ходе экспериментального исследования детей в возрасте от 3 до 5 лет и учащихся средней школы интенсивность любви или дружелюбности [sociality] измерялась объемом сделанной работы — количеством мрамора и песка, которое тот или иной участник эксперимента перенес из одного угла сада в другой, и такими фиксируемыми характеристиками труда, как: а) работа для себя; б) для лучшего “приятеля” в группе; с) для члена группы, который антипатичен или безразличен. Оказалось, что каждый ребенок, переходя от работы “для себя” к работе для “приятеля” и, наконец, для того, кто безразличен или антипатичен, переносил все меньше мрамора и песка.

В 1928 году та же проблема экспериментально изучалась среди студентов Университета штата Миннесота⁷. “Термометром относительной дружелюбности (или любви)” послужила сумма денег, которой студенты готовы были пожертвовать на три выделенные цели. Разумеется, этот термометр совершенно неадекватен при измерении сравнительной дружелюбности разных индивидов; богатый может пожертвовать большую сумму, чем бедняк и быть менее дружелюбным. Но сумма денег, которую один и тот же индивид в одно и то же время жертвует на разные группы, по-видимому, является довольно хорошим показателем его дружеского расположения.

Приняв это в качестве предпосылки, автор данной работы и по его просьбе Г.Р. Хосеа (H.R. Hoesa) и О.Д. Дункан (O.D. Duncan), преподаватели социологии в Университете Миннесоты, обратились к студентам-социологам (их было шесть групп: А–F) с просьбой пожертвовать кто сколько может на следующие цели: на приобретение диаграмм и калькуляторов для их собственных классов занятий; “трем талантливым студентам социологического факультета университета Миннесоты, которые потерпели серьезный материально ущерб в результате наводнения на Миссиссипи и будут вынуждены оставить университет, если мы им не поможем”; в фонд “Международной помощи студентам” для оказания помощи студентам китайских

и российских университетов, умирающим от голода. Студентам сказали, что диаграммы и калькуляторы будут чрезвычайно полезны для них при подготовке к экзаменам. Мы постарались самым красочным образом описать то жалкое состояние, в котором оказались талантливые студенты, чьи семьи разорились после недавнего наводнения на Миссиссипи. Красочно была изображена и та ужасная ситуация, в которой находятся китайские и российские студенты. Короче говоря, каждый из нас сыграл роль актера, чтобы студенты поверили, что мы перед ними искренни и действительно собираем деньги на обозначенные цели. После этого каждому студенту дали лист бумаги и попросили написать, сколько он может дать — причем прямо сейчас. Полученные результаты представлены в следующей таблице.

Таблица показывает, что, несмотря на наименьшую важность причины I, студенты пожертвовали ради нее большим количеством денег, чем на причины II и III. “Самоальтруизм” или эгоизм оказался в данном случае сильнее, чем альтруизм для других. Кроме того, несмотря на то, что причина III требовала наибольшей помощи, вклад на эту цель оказался наименьшим. Такая же картина вырисовывается и относительно числа студентов, которые внесли вклады по одной или по всем этим причинам. Из об-

Размеры вкладов (в долларах) для трех групп нуждающихся

Группы студентов	Объект помощи		
	Для классных диаграмм и т.д. (I)	Для обедневших студентов Университета Миннесоты (II)	Для китайских и русских студентов (III)
A	\$ 7.30	6.00	3.55
B	6.25	3.90	2.65
C	5.30	6.60	5.00
D	6.75	5.75	2.25
E	11.10	6.05	5.75
F	11.5	4.70	3.25
Итого	48.25	33.00	22.45
Количество вкладчиков			
A	43	33	23
B	27	16	11
C	40	36	29
D	23	22	10
E	20	15	14
F	32	16	12
Итого	185	138	99
Сравнительные индексы внесенных сумм (цель/причина. I = 100%)	100.0	68.4	46.5
Сравнительные индексы числа вкладчиков (цель/причина. I = 100%)	100.0	74.6	53.5

шего числа 202 студентов, которые откликнулись на обращение (те, кто не пожертвовал ничего, исключены из таблицы), 185 человек — внесли деньги ради наименее важной причины, а 99 человек — ради наиболее важной.

Равная любовь ко всем людям все еще доступна лишь единицам, хотя на словах ее исповедуют многие.

Все студенты на словах уверяли, что, “оказывая помощь другим, мы не должны обращать внимания на расу, национальность, вероисповедание и ни на какие другие особенности и должны помогать им, принимая во внимание только степень их нужды”. Но в реальном поведении, оказывая помощь, только 27,4% из них действовали в соответствии со своими заявлениями.

Когда американских “добрых соседей” попросили назвать 12 человек, которые им дороже всех в мире, они выбрали супруга (супругу), детей, родителей и родных братьев или сестер в числе первых шести, а также своих друзей и родственников в числе шести следующих. Даже эта группа “добрососедей”, чей альтруизм выше среднего уровня, обнаруживает уменьшающуюся интенсивность любви по мере увеличения социально-психологической дистанции⁸.

Аналогичные результаты получены при опросе студентов Гарвардского университета и Радклифф-колледжа⁹, а также в ходе других экспериментальных исследований этой проблемы¹⁰.

Закономерные связи между интенсивностью и продолжительностью любви

Отношения между этими двумя переменными мало известны. Следующие закономерности носят сугубо предварительный характер:

а) Если допустить, что вся энергия любви, которой обладает индивид, конечна, то *интенсивность любви, как правило, уменьшается с увеличением ее продолжительности, когда расход любви индивида не пополняется соответствующим притоком ее от других людей или из других источников, эмпирических или трансцендентальных*. Мало того, что интенсивность уменьшается, но и чем больше расходуется запас любви, тем короче становится период, в течение которого он истощается. Подобно любому другому ограниченному запасу энергии, энергия любви может быть израсходована за очень короткий период или же может расходоваться более скупно, но в течение более продолжительного срока. Миллионы проявляют энергию любви высокой интенсивности в течение короткого времени. Тысячи солдат рискуют своими жизнями, иногда добровольно отдают их, спасая своих товарищей. Тысячи людей, ежедневно совершают поступки, продиктованные любовью высокой интенсивности. Даже если речь идет о гетеросексуальной любви, то и в этом случае миллионы людей “безумно” любят сравнительно недолго. Эти периоды действительно “кратки”; люди, быстро истощив свою энергию любви, вскоре становятся заурядными или даже эгоистич-

ными в проявлениях любви. *Есть миллионы героев любви на мгновение, но мало тех, кто способен любить в течение неопределенно длительных периодов. И их число, как правило, резко уменьшается по мере увеличения продолжительности.* Это случается особенно часто тогда, если и когда интенсивность их любви не встречает взаимности или не восполняется той или иной разновидностью публичного одобрения, не компенсируется притоком любви от близких им людей или проявлениями любви, имеющей другие, эмпирические или трансцендентальные, источники. В этом отношении энергия любви, по-видимому, ведет себя, как и другие виды энергии (теплота, электричество, и т. д.).

б) *Когда интенсивный расход любви компенсируется любовью других или, говоря обобщенно, восполняется притоком любви от внешних источников*¹¹ — будь то взаимная любовь или любовь, порождаемая самой активностью любви, публичным одобрением, популярностью, известностью или другими заменителями любви; или же любовь, поступающая из мистических, малоизвестных сверхэмпирических источников — *интенсивность любви не обязательно снижается по мере увеличения продолжительности.* Поскольку расходование любви полностью или частично компенсируется ее притоками из этих источников, самая интенсивная любовь может функционировать в течение бесконечно долгого времени — фактически столь же долго, сколь долго продолжается ее эквивалентное пополнение. *Если этот эквивалент больше, чем израсходованная любовь, то ее интенсивность с течением времени может даже возрасть.*

И опять-таки, повседневные наблюдения за обыкновенными людьми, особенно за великими альтруистами, убеждают в том, что безгранично долгая и глубокая любовь действительно существует. Мы часто видим, что интенсивность любви между двумя или большим числом людей со временем скорее увеличивается, нежели уменьшается. Во многих случаях любовь начинается как мимолетная симпатия, но постепенно превращается в глубокие и чистые отношения. Это случается и в отношениях между полами. Поведение великих апостолов любви показывает, что самая интенсивная любовь пульсирует в течение сколь угодно длительного времени.

Рассматриваемая нами закономерность объясняется высказанным выше утверждением относительно притока любви или ее заменителей (превращающихся в любовь наподобие того, как одни виды энергии превращаются в другие), находящихся “вне индивида”. Существует множество конкретных форм таких притоков любви (или “обратных связей”): взаимная любовь, доброта в ответ на доброту, жертва в ответ на жертву, общественное одобрение, прославление героической любви, осязаемо высокая оценка любви со стороны других с помощью денег и других средств и т. д. Из собственного опыта и из наблюдений за любовным поведением других мы знаем, что подобные реакции на чью-то любовь пробуждают ответную любовь и способствуют ее

усилению¹². Вместе с тем мы знаем и то, что обычно безответная любовь, особенно когда на нее отвечают враждебностью, приводит к появлению чувства неуверенности в себе, ее исчезновению и разочарованию; иногда это делает нас озлобленными и даже враждебными по отношению к тому, кто “не ценит нашей доброты”. Даже у великих апостолов любви бывали “черные дни” и моменты безысходности от неразделенной любви.

Подведем итог: секрет неубывающей в течение долгого времени любви лежит, по-видимому, в притоке любви, который, находясь вне любящего индивида, пополняет огромные затраты его интенсивно расходуемой энергии любви. Без такого рода пополнения интенсивность любви с течением времени падает, как правило, под воздействие первой установленной нами закономерности.

Иногда кажется, что нет притока любви ни от других людей, ни от каких бы то ни было видимых эмпирических источников; наоборот, от всего и от всех исходит вражда. И тем не менее великие мученики любви, такие как Иисус, аль-Халладж, Дамьен Лепье и Ганди¹³ (если упомянуть только о некоторых ярких случаях) не снижают интенсивности своей любви, вопреки всем преследованиям, ненависти и даже пыткам. Как же объясняются подобные “чудеса”?

Во-первых, практически все эти мученики любви испытывали глубочайшую и чистейшую любовь от малой группы, в которую входили члены их семьи, их последователи, друзья и спутники. Они вовсе не были одиноки во враждебном им мире; у всех без исключения была, по меньшей мере, малая группа тех, кто любил их очень горячо. Кроме того, “запас любви” был у них несомненно гораздо больше, чем у простых смертных, что позволяло им щедро расточать свою любовь на протяжении долгого времени. Этих двух причин достаточно для того, чтобы объяснить большинство рассматриваемых нами случаев.

Но это еще не объясняет тех мучеников во имя любви, у которых не было видимого “притока любви” извне. Наиболее вероятной гипотезой для них (и в гораздо меньшей степени для значительно большей группы менее самоотверженных альтруистов и сторонников добрососедских отношений) представляется то, что приток любви исходит от неосознанных, мало изученных, возможно, сверхэмпирических источников, называемых “Богом”, “Божественной природой”, “Мировой Душой”, “Отцом Небесным”, “Истиной” и т. д. Растущие знания о внутриатомных и космических лучевых энергиях свидетельствуют, что физико-химические энергетические системы способны к самосохранению и самовоспроизводству в течение неограниченного времени. Если сказанное справедливо относительно этих, пожалуй, самых “грубых” видов энергии, то, наверное, тончайшая энергия любви способна к “самовосполнению” в еще большей степени. Мы почти ничего не знаем о свойствах энергии любви. Теоретически можно предположить, что любовь обладает своими собственными

“силами расщепления”, которые делают ее неисчерпаемой. Когда человек знает, как пользоваться этими силами, он может тратить энергию любви расточительно, не опасаясь, что запас ее иссякнет.

Эта гипотеза подтверждается чисто эмпирическими “показаниями” мучеников во имя любви, которые оказывались в окружении враждебного по отношению к ним мира. В подобном критическом положении они просили о помощи у “непостижимых сил” — у Бога или равнозначных Ему сущностей. Иисус, предвзя и предсказывая свое распятие, в смертельной тоске говорит в Гефсимании: “Душа Моя скорбит смертельно... И, отошед немного, пал на землю и молился, чтобы, если возможно, миновал Его час сей. И говорил: Авва Отче! все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты” (Мр. 14, 34–36). И на кресте, вновь взывая к Отцу, он прощает своих палачей и молится за них: “Отче! прости им, ибо не знают, что делают”. И, наконец, уже испуская дух, он молится “Боже Мой, Боже Мой! для чего ты Меня оставил?” (Лк. 23, 34; Мр. 15, 34).

Точно так же великий мистик, мыслитель и апостол любви аль-Халладж, когда он был брошен в тюрьму и ждал жесточайшей казни (распятия на кресте, потом отрубания рук и ног, потом сжигания останков), прощает своих врагов и тоже взывает к Богу, чтобы тот дал ему сил. “Здесь мы... Твоей милостью находим мы убежище и благодаря предвечному великолепию славы Твоей находим чистоту... Ибо это Ты, Боже мой, предначертал мне приобщиться к Твоей божественной сущности, к Твоей абсолютной личности... Это Ты захотел, чтобы я был... Это ты сделал так, чтобы я провозгласил Твою сущность через свою сотворенную сущность... Мне предназначено было, что теперь я готовился принять смерть, подвергнуться казни, быть вздернутым на виселице, быть сожженным на костре, после чего прах мой будет развеян по ветру... О! мельчайшая частица моего праха обещает моему телу величественное преображение [воскрешение], бытие, которое безусловнее бытия самых высоких гор”¹⁴.

Практически все мученики во имя любви в подобных ситуациях чудодейственным образом укрепляли свою любовь, обращаясь с молитвой к Богу, Невидимой Силе, к Сущему или другим трансцендентным силам. Попросту говоря, они начинали извлекать свою энергию любви из трансцендентального источника, каким бы именем они его ни называли (любовь-агапе). Примеры такого “извлечения” можно найти в биографиях или автобиографиях апостолов любви как прошлого, так и настоящего времени. М. Ганди и А. Швейцер неоднократно упоминают об этом в своих автобиографиях, описывая случаи, когда они оказывались в трудном положении, окруженные недружелюбным миром. “В конце концов, настоящим заступником не был ни я, ни мой брат, а Всемогущий”. “Без абсолютной веры в Его Милость полное самообладание (и преодоление всяческих страхов) невозможно”. Молить “Бога Правды о том, чтобы Он позволил ему и в мыслях, и на словах, и на деле соблюдать принципы

ахимсы [ненасилия]” — вот каким был у Ганди метод “извлечения энергии любви в решающие моменты его жизни”¹⁵.

«Моя жизнь целиком и полностью обусловлена таинственным ощущением того, что Бог Сам открылся во мне как этическая Воля и пожелал завладеть моей жизнью... Однажды, доведенный до отчаяния,.. я валюсь в приемной на стул и восклицаю: “Какой же я дурак, что взялся лечить этих дикарей!” На что Жозеф спокойно замечает: “Да, на земле ты действительно большой дурак, а на небе — нет”». «Много раз до этого я пытался понять, что означают для меня лично слова Иисуса: “Кто хочет жизнь свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет свою жизнь ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее”. Теперь ответ был найден. В дополнение к внешнему у меня было теперь и внутреннее счастье»¹⁶.

Когда на Серафима Саровского (1759—1833) в его отшельнической келье напали два разбойника, он им не сопротивлялся, хотя физически был очень сильным человеком и в тот момент держал топор в руках (он расчищал лес под пашню). Вспомнив заповеди Христовы “не противься злу” и “взявший меч от меча и погибнет”, он отбросил топор и позволил, чтобы разбойники избили его до полусмерти. Вместо того чтобы сопротивляться нападшим или проклинать их, он молился за них; и потом, когда их поймали, решительно протестовал против того, чтобы их покарали. В данном случае, как и в остальных критических ситуациях, он получил силу своей любви от Бога, потому что “Бог любит тех, кто любит его”¹⁷.

Эти три предполагаемых источника — любовь, которая поступает к мученикам от их группы, огромный запас их собственной любви и самовосполнение энергии любви, проистекающее из неосоздаемого, сверхэмпирического (но вместе с тем и самого естественного) источника — вполне удовлетворительно объясняют, почему энергия любви может расходоваться без ограничений в течение сколь угодно длительного времени. Эти мнимые исключения — вовсе не исключения, с точки зрения нашей второй закономерности, устанавливающей взаимосвязь между интенсивностью и длительностью любви.

Зависимость между интенсивностью и чистотой любви

Преимущественно нескоряющийся характер этих частных параметров делает задачу по установлению их количественной зависимости особенно трудной. *Тем не менее в целом их взаимосвязь, по-видимому, положительна. Любовь, которая становится все более и более чистой, увеличивается и по своей интенсивности, и наоборот.* Только самая чистая любовь способна к самой большой жертве, будучи и наиболее интенсивной, потому что с точки зрения любви расчетливой, такая жертва, по утилитарным и гедонистическим соображениям, — бесполезна и антигедонистична. И как таковая она вряд ли возможна. “Приземленная любовь” всегда оказывается хрупкой, слабой и недолговечной. Следовательно, у нее низкая интенсивность. И наоборот: самая интенсивная любовь

должна быть и самой чистой. Это означает полное слияние всего человеческого я (или нескольких я) с тем, что является единственным предметом любви: абсолютное отождествление интенсивно любящих индивидов. Такое отождествление находится по ту сторону каких бы то ни было утилитарно-гедонистических мотиваций, неотделимых от его и эгоизма. Такая любовь есть любовь “незаинтересованная”, свободная от “нечистых примесей”.

Эти почти очевидные выводы, по-видимому, подтверждающиеся всеми данными наблюдения и самонаблюдения, тем не менее недостаточны. Прежде всего любовь великих апостолов одновременно интенсивна и чиста. О ее интенсивности свидетельствует величайшая жертва, которую они принесли. Отсутствие каких бы то ни было эгоистичных — утилитарных или гедонистических — мотивов в проявлениях их любви свидетельствует об их чистоте. Любовь Иисуса, апостола Павла, св. Франциска Ассизского, Будды, доктора Федора Гааза, Серафима Саровского, Дамьена Лепьера, Ганди и огромного множества других апостолов любви обладала обеими этими характеристиками. Вместе с тем миллионы случаев любви низкой интенсивности неизбежно оказываются вариациями “нечистой любви”, в проявлениях которой заметны эгоистичные, утилитарные и гедонистические мотивы. Большинство таких любовных отношений носит не “семейный”, а “договорной” характер. По самой их природе они эгоистичны и почти всегда стремятся к тому, чтобы получить как можно больше, а дать как можно меньше¹⁸.

Сказанное в равной степени относится и к гетеросексуальной любви, если в основе ее лежат “интрижка” и “наслаждение”. Такая любовь может проявляться очень интенсивно: люди могут “сходить с ума” от любви исключительно из-за ожидаемого ими сексуального удовольствия. Такого рода “любовные истории” едва ли имеют какое-либо отношение к изучаемой здесь любви. Неудивительно поэтому, что страстность и интенсивность этого вида гетеросексуальной любви быстро увядает; “безумная” любовь охладевает, помешательство проходит, и индивиды вскоре становятся чужими друг для друга, а иногда даже врагами. Если они женятся, то вскоре расторгают брак или покидают друг друга. Однако если дело касается такой гетеросексуальной любви, когда любящие действительно сливаются в единое “мы”, искренне разделяют выпадающие на их долю радости и огорчения, относятся друг к другу как к высшей ценности и каждый из них идентифицирует собственное я с я другого — тогда сексуальный фактор делается вторичным, а любовь становится столь же интенсивной, как и чистой. Одним из термометров для измерения интенсивности и чистоты является готовность пожертвовать всем чем угодно ради другого¹⁹.

Соотношение между интенсивностью и адекватностью любви

Если рассматривать только “субъективную неадекватность” любви, то отношение между указанными переменными несколь-

ко неопределенно и расплывчато. Любовь может быть очень интенсивной и все же совершенно слепой или неадекватной в своих объективных проявлениях. *Такие случаи объясняются главным образом отсутствием знания или мудрости у любящего, отъединением любви от истины и красоты.* Бесчисленные повседневные факты свидетельствуют о реальности подобного несоответствия. Все мы знаем людей, которые сильно любят и готовы на жертвы ради членов своей семьи, ради друзей или ради других и которые, тем не менее, объективно приносят им вред, а не пользу и удаляют их от целей, к которым стремится их слепая любовь. В межгрупповых отношениях одна из групп с самыми добрыми намерениями часто причиняет другой группе вред вместо оказания ей помощи. Недавним примером служит разрушение и смерть, принесенные Корее Организацией Объединенных Наций. Такие факты слишком многочисленны и широко известны и не нуждаются в дальнейшем перечислении. И этот случай, и эти факты иллюстрируют выше означенную неопределенность в соотношении между интенсивностью и адекватностью.

Вместе с тем, *когда проявлениям интенсивной любви во внешних действиях и методах их осуществления сопутствуют мудрость и знание, интенсивность любви оказывается позитивно связанной с ее адекватностью.* Достаточно одного этого фактора, чтобы расплывчатая или отрицательная связь между интенсивностью и адекватностью превратилась в позитивную. Он может превратить слепую любовь в зрячую. Подобного рода мудрость или знание есть не только чисто “научный” опыт, полученный путем обучения, тренировки, чтения и т. д. В соответствии с разработанной мною теорией личности и источников знаний (чувственных, рациональных и сверхсознательно-интуитивных) такая мудрость может быть приобретена, благодаря каждому из этих каналов, включая интуицию²⁰. “Любящее сердце” нередко знает или инстинктивно (т. е. интуитивно) чувствует, когда и что вредно, а что полезно для того, кого оно любит. Неграмотная мать часто интуитивно схватывает, какие проявления любви правильные, а какие неправильные. Поскольку любовь в конечном счете связана с истиной, интуитивная мудрость проявляется довольно часто. *Если учесть все эти способы познания, то окажется, что интенсивность, чистота и адекватность любви несколько чаще все-таки бывают связаны между собой позитивно, чем негативно или вообще никак не связаны.* При прочих равных условиях лица, способные на сильную любовь, как правило, выражают ее более адекватно по сравнению с теми, чья любовь характеризуется низкой интенсивностью. Лишь тогда, когда явно ощущается недостаток мудрости или знания, зависимость между нашими переменными начинает исчезать или превращается в негативную.

В отношении между любовью и объективными последствиями творчества в сфере истины и красоты — творчеством, движимым не любовью к доброте, а чем-то другим — мы сталкиваемся с феноменом превращения энергии правды или красоты в энер-

гию любви или доброты и наоборот. Поскольку, как уже упоминалось, несомненная истина, подлинная красота и настоящая доброта или любовь суть нераздельные ипостаси Высшей и Конечной Реальности, возможность превращения одной из этих “энергий” в две другие логически вытекает из этой гипотезы. Подобно тому, как энергия теплоты может быть превращена в энергию электричества или движения, точно так же каждая из высших энергий может быть преобразована в одну из двух других. Эмпирические факты и тщательный анализ четко фиксируют такое превращение. *Подлинная красота*, будь то гениальная музыка, великое произведение литературы, драматургии, живописи, скульптуры или архитектуры, *одновременно очищает и облагораживает в нравственном отношении*. Это превращение красоты в доброту и любовь давно наблюдалось, исследовалось и неоднократно подтверждалось. О мимесисе и катарсисе, производимыми трагедией и другими подлинными художественными произведениями, писали Конфуций, Пифагор, Платон, Аристотель и другие известные и неизвестные мыслители и писатели древнего Египта, Вавилона, Индии, Китая, Греции, равно как и современные мыслители и педагоги²¹. Нравственно облагораживающее воспитательное воздействие гениальных произведений искусства было и есть аксиома как для современных педагогов, так и для воспитателей прежних времен.

Точно так же, множество мыслителей далекого и недавнего прошлого (как, например, Ф. Ницше) и настоящего единодушно отмечали, что подлинная красота или искусство содержат в себе когнитивные элементы, своеобразным путем ведущие к истине и знанию²². Хорошо сказал по этому поводу Бетховен: “Любое искусство, все подлинные чувства — моральный прогресс... Тот, кто по-настоящему понимает мою музыку, не должен испытывать всех тех страданий, которые испытывают другие люди”. “Когда я остаюсь один, я никогда не бываю одинок. Я почитаю духовную сферу и Того, кто превыше всех духовных и небесных монархов. Всемогущий, Вечный, Бесконечный!” И наконец: “Музыка — это единственный бестелесный исход в более высокий мир *знания*, доступного человечеству. Это пророческое видение и... неземная мудрость”²³.

Что *несомненная истина прекрасна и добра* и превращается в энергию красоты и — в этическом плане — энергию доброты, это сегодня почти аксиома и едва ли у кого-нибудь вызывает сомнение. Эстетическое изящество истинной математической, научной, философской или религиозной мысли очевидна и непосредственна, как и ее огромная роль в самом эстетическом творческом; очевидна и ее неизмеримая польза в деле обогащения и облагораживания сферы прекрасного каждого из нас. Великое множество эмпирических фактов, свидетельствующих о самых благотворных (альтруистических) последствиях важных научных открытий, конструктивных технологических изобретений, толкающих вперед философскую мысль или обогащающих подлин-

но религиозную истину, всем хорошо известны, поэтому нет надобности здесь их приводить.

Вместе с тем *настоящая доброта всегда прекрасна в высоком смысле этого слова*. Если подлинная красота производит в нас катарсис, то настоящая любовь или доброта впечатляет нас как самая чистая и возвышенная красота. Не случайно слова *любовь* и *красота* часто используются одно вместо другого как “любимый” и “привлекательный”. Аналогичным образом настоящая любовь или доброта содержит в себе когнитивные элементы, обогащающие нас либо интуитивным, либо рациональным или даже эмпирическим познанием или истиной. Платон, Аристотель и другие мыслители справедливо считали, что этическое понятие *summum bonum* содержит в себе и истинное познание. Анализ *ценностных суждений как когнитивных утверждений*, производимый мыслителями прошлого и настоящего, — доказательство возможности преобразования добра в истину. Кантовский “практический разум” есть “разум” этический и в то же время познающий. Утверждение Гуссерля, что суждение “воин должен быть храбрым” означает “только храбрый воин есть хороший воин”, является примером превращения ценностного суждения (выраженного в повелительном наклонении) в когнитивное утверждение (выраженного в изъявительном наклонении). В недавней работе К. И. Льюиса хорошо представлена истина, что ценностные суждения являются в то же время суждениями когнитивными²⁴.

Все это свидетельствует о возможности трансформации истины, добра и красоты друг в друга. Чем и объясняется, почему подлинные произведения в сфере изящных искусств или открытия в области познания истины оказывают благотворное и облагораживающее в моральном плане влияние на миллионы людей, хотя создатели красоты и открыватели истин в своей деятельности, может быть, и не были движимы непосредственно любовью или этическими мотивами.

Способность трансформации сама по себе не устраняет разницы в коэффициенте трансформации. Даже превращение физических энергий теплоты, электричества и их переход друг в друга никогда не достигает 100% коэффициента превращения: часть энергии всегда уходит на излучение и на что-то другое, согласно второму закону термодинамики или принципу Карно (закону энтропии). Нечто подобное происходит и в процессе превращения истины, любви и красоты друг в друга. И здесь коэффициент трансформации едва ли когда достигает 100%. Часть энергии красоты, преобразующейся в энергию любви, всегда частично “рассеивается”, и коэффициент трансформации всегда получается ниже 100%.

Мы не знаем, какие факторы управляют колебаниями величины коэффициента трансформации; эту проблему вряд ли когда-нибудь изучали. Навскидку можно предварительно указать на условия, которые кажутся важными. Одно из них — качественно-количественная величина каждой энергии в данном индивиду или группе: *чем интенсивнее, чище, шире по экстенсивнос-*

ти, продолжительнее и адекватнее данная энергия истины или красоты, тем выше коэффициент ее трансформации в энергию добра (любви) и наоборот. Красота великих произведений Баха, Моцарта и Бетховена, по-видимому, намного больше — интенсивнее, чище и т. д. — чем, например, красота третьеразрядных композиций или новейших эстрадных песен или джазовых “хитов”. Соответствующие факты, по-видимому, подтверждают это предположение. Сомнительно, чтобы хоть один такой “хит” когда-нибудь и кого-нибудь облагородил, сделал чище или возвысил в моральном плане, и не вызывает сомнений, что все они возбуждают сексуальные, биологические и эгоистичные аппетиты тысяч масс. И столь же несомненно, что произведения Баха, Моцарта и Бетховена доставляли и доставляют миллионам людей чистейшее наслаждение, в нравственном отношении облагораживали их и возносили в высочайшие сферы реальности, к *universalia ante rem* Божественной доброты.

То же можно сказать по поводу любого великого произведения искусства по сравнению с сомнительными “хитами”: о творениях Гомера, Данте, Шекспира, Достоевского, если сопоставлять их с разными бестселлерами нашего времени; о Парфеноне и великих средневековых соборах по сравнению с показным блеском здания ночного клуба. Великие произведения искусства были и остаются воплощениями добра для многих поколений людей и переживают столетия, а то и тысячелетия. А показушные бестселлеры забываются очень быстро — через несколько месяцев или, самое большее, через несколько лет.

Точно так же великие философские, религиозные и научные “истины” учения Платона, религиозных систем даосизма, конфуцианства, индуизма, буддизма, джайнизма, христианства, ислама, равно как и фундаментальные принципы и построения естественных наук и истинные открытия социальных наук — все они несли добро, нравственно облагораживали и возвышали миллионы людей в течение тысячелетий. Коэффициент их трансформации в энергию добра был несравненно больше коэффициента “мелких” научных, философских или религиозных истин и особенно многочисленных высокомерных псевдоистин, найденных в этих сферах и в сфере социальных и гуманитарных дисциплин. Многие из этих “великих учений”, таких как марксизм и фрейдизм, оказались истинными в лучшем случае лишь в некоторых частностях; но большинство их истин — фальшивки. Неудивительно поэтому, что наряду с незначительной долей добра, которое они принесли, они породили несравненно больше ненависти, вражды, борьбы, войны и других зол²⁵.

Коллективный опыт человеческого рода четко выразил это в утверждении, согласно которому “фальшивые истины или полупричины более опасны (в социальном и этическом плане), чем полное невежество”. В этом коренится одна из причин, в силу которых простое распространение грамотности, школьное обучение, приобретение чисто “технических” навыков, обучение

узко-специальным “трюкам”, усвоение массы банальных истин в наших школах и колледжах не ради их самих, а для того, чтобы занять удобное и хорошо оплачиваемое положение, не говоря уже о научных открытиях и изобретениях разрушительного характера — почему все это оказало незначительное нравственное влияние, если вообще его оказало, на “потребителей”. Этим объясняется, почему успехи в школьном образовании, распространение грамотности и даже достижения в области научных открытий и изобретений — отчасти конструктивных, а отчасти и деструктивных — не уменьшили эгоизм индивидов и групп, почему кровавых войн, международных и гражданских, не стало меньше и почему не снизилась преступность²⁶. Короче говоря, этим объясняется, почему коэффициент трансформации банальных истин, полуистин, выдаваемого за истину невежества, деструктивных псевдоистин был настолько низок.

Великая истина, целостная истина и чистая истина неизменно дают высокий процент трансформации в добро; невежество, полуистина, банальные истины и деструктивные полуистины всегда дают низкий коэффициент или даже коэффициент со знаком минус.

Помимо главного фактора, есть, вероятно, много второстепенных, влияющих на коэффициент подобной трансформации. Но пока мы еще мало знаем о них, и поэтому должны оставить проблему нерешенной.

Зависимость между экстенсивностью и адекватностью любви

Весьма правдоподобна закономерность, суть которой в том, что *с ростом экстенсивности любви ее неадекватность (субъективная и объективная) тоже, как правило, увеличивается*. Есть несколько причин, позволяющих сделать такой предварительный вывод. Во-первых, малые группы можно любить более искренне, более интенсивно и менее лицемерно, чем большие. Следовательно, субъективные поводы любви здесь гораздо чаще носят подлинный характер, чем в тех случаях, когда речь идет о любви к большим группам. Во-вторых, адекватность или неадекватность объективных последствий проявлений любви к малой группе быстрее делается очевидной и более явной, чем те же проявления к группе большой. Приносит ли чья-то любовь вред или помогает членам семьи, друзьям или близким знакомым, выясняется быстро и не вызывает особых сомнений, тогда как в случае с большой группой объективные последствия проявлений чьей-то любви редко бывают столь же несомненными и очевидными и еще реже это выясняется в течение короткого времени. Обычно последствия остаются неясными и неизвестными. То же можно сказать не только о проявлениях любви обыкновенных людей, но и о последствиях различных законов, издаваемых признанными законодателями для пользы нации, церковной организации многомиллионной мировой религии, политической партии или международного альянса. Множество

законов, разработанных с самыми благими намерениями, имеют совершенно неожиданные последствия, и почти никогда ни один закон не приносит ожидаемых от него результатов. Более того, результаты некоторых законов противоположны ожидаемым. Это в одинаковой мере относится к государствам, нациям, крупным религиозным сообществам, международным движениям, международным военным союзам, к Лиге Наций и к Организации Объединенных Наций. История полна примеров таких случаев, когда правительственные меры, направленные на достижение мира, приводили к войне, и наоборот; когда шаги, предпринимаемые с целью увеличить благосостояние, способствовали упадку, мероприятия, направленные на повышение рождаемости, приводили к ее спаду, а нацеленные на укрепление порядка — вызывали беспорядки и т. д.

Такие несоответствия еще чаще проявляются в деятельности политических партий и крупных религиозных организаций, активно участвующих в социальной и политической жизни. Католическая церковь никак не ожидала, что инквизиция ослабит ее и деморализует. Лига Наций, разумеется, не предполагала, что предпринимаемые ею меры приведут к ее самоликвидации, и даже Организация Объединенных Наций не понимает, что проводимая ею политика может закончиться ее роспуском.

История полна фактами, которые иллюстрируют это трагическое несоответствие. Если подобного рода несоответствие постоянно происходит с законодателями, правителями и экспертами, то еще чаще оно случается с обычными людьми.

Таковы причины этой предварительной закономерности, существующей между указанными переменными.

Зависимость между продолжительностью и чистотой любви

При прочих равных условиях, *чем чище любовь, тем она, как правило, долговечнее*. Это следует из самой природы чистой любви. Будучи любовью ради любви, она выдерживает все испытания, страдания и неудачи, смиряется с тщетностью своих усилий. Она не боится ничего и никого. Следовательно, она может переносить “все, что угодно” в течение неопределенно длительного времени, нередко до самой смерти любящего человека и даже после нее. Нечистая любовь, движимая утилитарными соображениями, гедонистическими ожиданиями и прочими эгоистическими выгодами, функционирует как “маскировка” только до тех пор, пока ей светят эти выгоды, удовольствия и преимущества. Как только они перестают оказывать свое действие или меняются на противоположные, такая любовь испаряется и умирает.

Эмпирические наблюдения вполне подтверждают эту закономерность. Гетеросексуальная любовь, движимая исключительно сексуальным наслаждением, длится, как правило, столько, сколько продолжается либидоидное удовольствие. Когда оно увядает или когда становится более притягательным эротическое наслаждение от контакта с другим лицом, такого рода сексу-

альная любовь умирает. Браки, основанные на ней, разрушаются; “любовные истории” заканчиваются.

Любовь или союз индивидов и групп, основанные на ненависти к общему врагу, также недолговечны. Как только общий враг исчезает, такая “любовь”, “союз” или “взаимопомощь”, связывающие до сих пор стороны, быстро исчезают. Гитлер, как общий враг, соединил коммунистические и антикоммунистические группы в некий альянс, но как только Гитлер и Третий рейх были разгромлены, альянс развалился и прежние “братья по оружию” стали врагами. Точно так же сейчас Советская Россия скрепляет западные страны в единый блок; но если когда-нибудь этот “общий враг” исчезнет, между странами западного блока может начаться борьба друг с другом. Опять-таки, любовь между партнерами, если в основе ее лежит выгодное дело, быстро остывает, как только партнерство перестает быть выгодным для одной или всех участвующих сторон. По той же причине многие общины, сообщества, ассоциации и секты, напыщенно именующие себя “братствами”, на поверку оказываются недолговечными, как только выгоды, удовольствия и преимущества, доставляемые им их “любовью” и “братством”, исчезают. Чистая же любовь супружеской пары, членов одной семьи, настоящих друзей, членов искренней религиозной секты, какого-нибудь лидера и его последователей, учителя и его учеников или любой совокупности индивидов никогда не прекращается и фактически является бессмертной. Любимый, покинувший этот мир, не бывает забыт и не становится менее любимым, чем был любим при своей жизни. Страдание, боль, горе, неудобство неспособны разрушить такую любовь.

Соотношение между продолжительностью и адекватностью любви

По вполне очевидным причинам *адекватная любовь, вероятно, будет длиться дольше, чем неадекватная*. С любой точки зрения, адекватная любовь больше удовлетворяет и тех, кто любит, и тех, кого любят. Недобрые и вредные последствия объективно неадекватной любви ослабляют, а иногда и уничтожают любовь не только у возлюбленного, которому наносится вред неадекватными последствиями этой любви, но даже и у самого любящего, обижающегося на “неблагодарность” другой стороны или ужасающегося губительным последствиям собственных проявлений любви. Как правило, такая “слепая любовь” вызывает негодование у другого лица (отвергается, отклоняется им или вызывает с его стороны протест), страдающего от ее неадекватных последствий; и это негодование остужает или прекращает любовь со стороны ослепленного своей любовью человека. “Неблагодарность” детей по отношению к своей матери, чья слепая любовь их избаловала; “неблагодарность” многих подчиненных или зависимых людей по отношению к их покровителям, начальникам и прочим “слепым благодетелям”; “неблагодарность” наемных

работников к работодателям за их слепую благосклонность — все это слишком хорошо известные, вечные явления. Они подтверждают предварительно сформулированный нами вывод о том, что неадекватность состоит в расхождении между объективными последствиями любви и теми, которые ожидались.

Зависимость между чистотой и адекватностью любви

В целом существует, по-видимому, *осязаемая положительная зависимость между чистотой и адекватностью любви*. Чистая любовь содержит в себе элемент истинной мудрости или истинного знания относительно лучших средств и способов их применения. *Эта зависимость, однако, не обязательно должна быть тесной*. В действительности мы редко встречаем абсолютно чистую любовь; она почти всегда имеет некоторые “загрязненные элементы”. Отсюда — некоторая подчиненность ее проявлений эмоциональной слепоте. Стало быть, когнитивные элементы даже опыта чистой любви всегда ограничены: опыт чистой любви не дает и не может давать все необходимые знания физических, биологических и психологических результатов ее проявления. Если такое знание не приобретено путем опытного познания, то объективные проявления чистой любви могут закончиться неудачей по своим фактическим последствиям.

Таковы, кажется, основные предварительные закономерности, относящиеся к связям между главными переменными.

Примечания

¹ *Vivekananda S. Lectures from Colombo to Almora. Mayavati, 1944, p. 175.*

“Не ишу не только того, что есть на земле, но и того, что есть на небесах — ничего, кроме Тебя, Господь мой и Создатель” (Св. Тихон) — вот другая формулировка того же самого.

² *Vivekananda S. Karma-Yoga and Bhakti-Yoga. N.Y., 1945. P. 86–89.*

³ Помимо всего прочего, такого рода слепая “романтическая” любовь — разновидность лихорадки - является главной причиной нестабильности и краткосрочности современного брака. См.: Rougemont de. *The Crisis of the Modern Couple*. Ed. by R.N. Anshen. *The Family: Its Function and Destiny*. N.Y., 1949. Chap. 16.

⁴ См.: *Bhagavadgita. Tr. by S. Radhakrishnan, N.Y., 1948.*

⁵ Даже Иисус прибегал к подобного рода приблизительным оценкам. “Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих” (Ин. 15, 13). И. Бенгам и прочие утилитаристы то же самое делали в своей “моральной арифметике”, хотя они, к сожалению, склонны были рассматривать свою приблизительную оценку разного рода “пользы” как реальный измерительный инструмент — и в этом их ошибка.

⁶ См.: *Sorokin P. Altruistic Love.*

⁷ См.: *Sorokin P. Experimente zur Soziologie // Zeitschrift fur Volkerpsychologie und Soziologie. 1926. March. S. 1–10; Sorokin P. and others. An Experimental Study of Efficiency of Work // American J. of Sociology. 1930, vol. XXXV. P. 765–782.*

⁸ См.: *Sorokin P. Altruistic Love.*

⁹ См.: *Sorokin P. Affiliative and Hostile Tendencies of College Students // Ed. by Explorations in Altruistic Love and Behavior P. Sorokin. P. 277 ff.*

¹⁰ См.: *Maller J.B. Cooperation and Competition: An Experimental Study in Motivation. N.Y., 1929. Chap. 12. Несколько иные результаты, полученные*

Б.А. Райтом, можно объяснить тем, что выбор игрушек для друзей и посторонних людей носил не настоящий, а воображаемый и декларативный характер, а также некоторыми другими условиями эксперимента. См.: *Wright B.A. Selfishness, Guilt-Feeling and Social Distance in Farness and Generosity*. Обе работы — неопубликованные диссертации (University of Iowa, 1940 и 1942).

¹¹ Это чем-то напоминает процесс “обратной связи”. См.: Wiener N. *Cybernetics*. N.Y., 1948. P. 151 ff., et passim.

¹² Почти все доклады на упомянутом симпозиуме (“Explorations in Altruistic Love and Behavior”), особенно Н. Рашевского, Р. Хайда, М. Грин-блатта, Г. Оллпорта и П. Сорокина, свидетельствуют об этом.

¹³ У всех великих и сколько-нибудь заметных апостолов любви всегда были враги, которые их ненавидели, чернили, преследовали и даже убивали. Около 37% христианских святых умерли как мученики. См. мою работу “Altruistic Love”.

¹⁴ *Massgnon L. La Passion d'Al Hallaj*. Paris, 1914-1921. P. 6–7; см. здесь показания его сына, его слуги, а также протоколы суда и показания свидетелей.

¹⁵ *Gandhi M. An Autobiography, or The Story of My Experiments with Truth*. Ahmedabad, 1929. Vol. II. P. 21–22, 151, 590–593 et passim.

¹⁶ *Schweitzer A. An Anthology*. Ed. by Ch. R. Joy. Boston, 1947. P. 109, 129, 155. [Швейцер А. Письма из Ламберене. Л., 1978. С. 194; Швейцер А. Жизнь и мысли. М., 1996. С. 53.]

¹⁷ *Ильин В.Н.* Преподобный Серафим Саровский. Paris, 1925. С. 29–31, 124 et passim. Здесь, между прочим, мы видим ахимсу (непротивление) Ганди, практикуемую в полной мере и в самых тяжелых условиях. Кроме того, несмотря на суровый аскетизм Серафима, его Бог был жизнерадостным Богом любви и неопикуемого блаженства, а не суровым и опечаленным Богом мщения.

¹⁸ О семейственных и договорных отношениях см. мое исследование “Society, Culture, and Personality” (N.Y., 1947. Chap. 5).

¹⁹ См.: *Соловьев В.С.* Смысл любви; de Rougemont D. *Love in the Western World*; de Rougemont D. *The Crisis of the Modern Couple*, loc. cit.

²⁰ Об этом см. ниже, гл. 5 и 6 данной работы. См. также мои работы “Reconstruction of Humanity” (chap. 13) и “Social and Cultural Dynamics” (vol. IV, chap. 16).

²¹ Литературу и соответствующие цитаты на эту тему см. в моей работе “Social and Cultural Dynamics” (vol. I, chap. 12, et passim); см. также: *Read H. Education Through Art*. L., 1943.

²² Об “эстетическом компоненте” и об искусстве как “чистой интуиции” см.: *Northrop F.S.C. The Meeting of East and West*. N.Y., 1946; *Johnston Martin. Art and Scientific Thought*. L., 1944; *Croce B. Aesthetics*. London, 1909. P. 385 ff. Представление Ницше об искусстве как “веселой науке” и учение Вагнера о том, что изящные искусства позволяют нам познать последнюю реальность, *universalia ante rem*, представляют собой вариации давно установленного факта о познавательных функциях изящных искусств.

²³ *Schauffler R.H. Beethoven*. N.Y., 1934. P. 178–179, 349, 383.

²⁴ См.: *Lewis C.I. An Analysis of Knowledge and Valuation*. La Selle, 1947; там же см. и историю этой фундаментальной проблемы. Кроме того см.: *Furfey P.H. The Scope and Method of Sociology*. N.Y., 1953. Chap. 4; *Hart H. Value-Judgments in Sociology* // *American Sociological Rev.* 1938, 3. P. 862–867; *Becker H. Supreme Values and the Sociologist* // *Ibid.*, 1941, 6. P. 155–172; *Urban W.M. Axiology* // *Ed. by Twentieth Century Philosophy D.D. Runes*. N.Y., 1943; *St. Thomas. Summa Theologica*. I, q. 5, a.6 и II–II, q. 145, a.3.

²⁵ Подробнее см. в моей работе “Theses on the Effects of Science, Particularly Social and Humanistic Sciences, upon International Tensions and Solidarity” // “Learning and World Affairs” (Ed. by L. Bryson, L. Finkelstein, R. MacIver. N.Y., 1948).

²⁶ Данные на этот счет см. в моей работе “Reconstruction of Humanity” (Boston, 1948), part I, et passim. Здесь же см. соответствующую литературу.